

УДК 94(437)(329)“1919-1939”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/15

Антропологические исследования русинов в период Чехословацкой Республики и их научное наследие

П. Лозовиук¹, К.В. Шевченко²

¹ Западночешский университет в Пльзене
Чехия, 30614, Пльзень, ул. Седлачкова, 15
E-mail: lozoviuk@ff.zcu.cz

² Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске
Беларусь, 220107, Минск, ул. Народная, 21
E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Авторское резюме

После образования Чехословацкой Республики, параллельно с государственно-правовым включением бывшей Угорской Руси в её состав, с начала 1920-х гг. здесь начались интенсивные исследования в области социальных наук, которые продолжались на протяжении всего периода существования так называемой Первой Республики (1918–1938 гг.). Их целью являлось выявление преобладающих исторических, экономических, социальных и культурных условий, в значительной мере отличавшихся от западных частей государства. В то время как чешские этнографы занимались регистрацией и изучением традиционной (народной) культуры местных популяций, прежде всего карпатских русинов, антропологи сосредоточивались на исследовании карпаторусского населения с точки зрения его физических характеристик. В отличие от работ чешских этнографов, посвящённых жителям Подкарпатской Руси и их культуре, являющихся относительно известными, исследования в области физической антропологии до недавнего времени не привлекали должного внимания. Представлен вклад Войтеха Сука, одного из наиболее значимых чешских физических антропологов XX в., в научную рефлексию славянских популяций бывшей Подкарпатской Руси, а также полемика с некоторыми недавними интерпретациями антропологических исследований, проводившихся в самой восточной части межвоенной Чехословакии.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, биологическая антропология, русины, Войтех Сук

Anthropological research on the Rusins during the Czechoslovak Republic period and their scholarly legacy

Petr Lozoviuk¹, Kirill V. Shevchenko²

¹ University of West Bohemia

15 Sedlackova Street, Plzen, 30614, Czech Republic

E-mail: lozoviuk@ff.zcu.cz

² Branch of Russian State Social University in Minsk

21 Narodnaya Street, Minsk, 220107, Belarus

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Abstract

Following the establishment of the Czechoslovak Republic, intensive social science research was launched in the early 1920s in the newly integrated territory of former Subcarpathian Rus' (Uherská Rus) and continued throughout the so-called First Republic (1918–1938). This research aimed to identify the predominant historical, economic, social, and cultural conditions in the region, that significantly diverged from those in the western parts of the state. While Czech ethnographers focused primarily on documenting and studying the traditional (folk) culture of the local populations—particularly the Rusins—physical anthropologists concentrated on investigating the biological characteristics of the Carpatho-Rusin population. While the works of Czech ethnographers focusing on the inhabitants of Subcarpathian Rus and their culture are relatively well-known, research conducted in the field of physical anthropology was not until recently. The primary objective of this study is to present the contribution of Vojtěch Suk, a pre-eminent Czech physical anthropologist of the 20th century, to the scholarly understanding of the Slavic populations of former Subcarpathian Rus'. A second aim is to critically reassess certain recent interpretations of the anthropological surveys carried out in the easternmost territory of interwar Czechoslovakia.

Keywords: Subcarpathian Rus, biological anthropology, Rusins, Vojtěch Suk

Введение: чешский научный интерес к русинам

На Парижской мирной конференции после завершения Первой мировой войны державы-победительницы постановили, что для будущего обустройства Центрально-Восточной Европы наиболее релевантным является присоединение территории бывшей Угорской

Руси к вновь образованной Чехословацкой Республике (ЧСР). Наряду с государственно-правовой интеграцией этой самой восточной части молодого государства – уже под наименованием Подкарпатская Русь – в начале 1920-х гг. было положено начало интенсивному социально-научному исследованию, которое впоследствии проводилось на протяжении всего периода существования так называемой Первой Республики (1918–1938 гг.). Его задачей являлась идентификация превалирующих исторических, экономических, социальных и культурных реалий, которые в значительной мере отличались от соответствующих условий в западных частях государства.

Этнографические и антропологические изыскания в Подкарпатской Руси вылились в ряд доныне актуальных научных трудов и монографий¹ [1]. Они имели ярко выраженный междисциплинарный характер и нередко включали международный аспект, например, при изучении проблематики расселения или феномена высокогорного пастушества (отгонного животноводства). Этнографические/этнологические исследования первоначально ориентировались на изучение традиционной культуры, обычаев и обрядов различных этнических групп, проживающих в Подкарпатской Руси; таковыми являлись этнографические группы русинов, а также евреи, карпатские немцы, в меньшей степени венгры или румыны. Финансовую поддержку и исследовательскую базу для этой деятельности предоставлял, к примеру, «Совет по исследованию Словакии и Подкарпатской Руси», действовавший в рамках пражского Славянского института. Важную роль также играла «Славянская комиссия по исследованию пастушества в Карпатах и на Балканах», учреждённая на основании решений I Съезда славянских географов и этнографов в Праге в 1924 г. (ср. например: [27]). В то время как этнографы во главе с Любором Нидерле, Карелом Хотеком, Яном Гусеком, Амалией Кожминовой и Петром Богатыревым занимались регистрацией и изучением традиционной (народной) культуры местных популяций, прежде всего русинов, чешские антропологи фокусировались на изучении карпатурского населения с точки зрения его физических характеристик.

Труды чешских этнографов, посвященные жителям Подкарпатской Руси и их культуре, являются относительно известными, однако в отношении изысканий в области физической антропологии это до недавнего времени не соответствовало действительности. Лишь в последние годы внимание было обращено на эти работы, причем как самими чехами, так и на международном уровне. К сожалению, это внимание – как будет аргументировано далее – нередко проявляется в сильной дезинтерпретации. Целью данной статьи является представление вклада Войтеха Сука, одного из наиболее

выдающихся чешских физических антропологов XX в., в научную рефлексию славянских популяций бывшей Подкарпатской Руси. Второй замысел представленного текста заключается в полемике с модными в настоящее время (дез)интерпретациями антропологических исследований, проводившихся в самой восточной части межвоенной Чехословакии.

Войтех Сук и физическая антропология в чешских землях

Основателем академической отрасли физической антропологии в чешских землях стал врач и антрополог Индржих Матигка – друг и последователь выдающегося слависта, археолога, этнолога и антрополога Любора Нидерле². Матигка защитил диссертацию в чешском Карло-Фердинандовом университете в 1897 г., в 1908 г. был назначен экстраординарным профессором антропологии и демографии на философском факультете того же учреждения, а в сентябре 1918 г. удостоился звания ординарного профессора [4: 287]. В ходе своей деятельности в академической среде он совместно с коллективом сотрудников способствовал основанию важных антропологических учреждений – Института по исследованию развития ребенка и Педологического института столицы Праги (1910). В 1920 г. Матигка заложил основы Антропологического института на вновь учрежденном естественнонаучном факультете Карлова университета, а в 1923 г. основал и до самой своей смерти редактировал специализированный журнал *Anthropologie*³. На протяжении своей профессиональной деятельности он стал автором множества значимых монографий и воспитал ряд учеников, среди которых выделялись антропологи и врачи Йиржи Малы и Войтех Сук.

Хотя антропологическим изучением карпаторусской популяции различной этнической принадлежности занимался также Йиржи Малы (ср. например: [15]), обширными изысканиями в Подкарпатской Руси в межвоенный период прославился прежде всего второй из упомянутых антропологов. Войтех Сук изучал естественные науки и медицину в университетах Праги, Цюриха и Болоньи, где недолгое время также работал ассистентом. В 1919 г. он стал доцентом по антропологии и этнологии на пражском естественнонаучном факультете. Четыре года спустя (1923 г.) он был призван в качестве экстраординарного профессора (физической) антропологии и этнологии на Естественнонаучный факультет Университета Масарика в Брно. Там же в том же году он основал Антропологический институт, а в 1929 г. был назначен ординарным профессором, при этом в 1932–1933 гг. также занимал должность декана [3: 212].

После закрытия чешских высших учебных заведений в 1939 г. Сук был вынужден работать врачом в провинциальном восточно-чешском городе Двур-Кралове. После войны он сам признавал, что в течение этого периода «подвергался преследованиям гестапо» [14: 27; 13]. По окончании Второй мировой войны он вернулся в Брненский университет, где и скончался в 1967 г. Он ушел из жизни в качестве заслуженного профессора антропологии и этнологии Университета в Брно, соучредителя и почетного члена бывшей Чехословацкой антропологической компании, члена бывшей Королевской чешской ученой компании в Праге и бывшей Моравско-Силезской академии естественных наук в Брно. Из учёных сообществ, членом которых он являлся, можно ещё упомянуть Società Romana di Antropologia в Риме, Royal Anthropological Institute в Лондоне, American Anthropological Association в США, Institut International d'Anthropologie в Париже и Society for Advance of Sciences в Лондоне [14: 31].

Для Войтеха Сука антропология была наукой, занимающейся изучением человека, его телесными свойствами, а также психическими и культурными проявлениями, его развитием и положением в природе и в мире. В данном концепте человек (антропос) и человечество в целом должны были, по его мнению, изучаться как с диахронической, так и с синхронической точки зрения. Концепция физической антропологии Войтеха Сука характеризовалась его холистическим подходом и ярко выраженной антирасистской направленностью (см. далее). Хотя Сук преимущественно являлся сторонником антропологии как биологии человека, это не препятствовало ему распространить данный предмет исследовательского интереса и на этнокультурное измерение. Он воспринимал человека как биокультурную личность, в развитии которой участвовала не только биологическая эволюция, но и адаптационное влияние культуры. Его первые научные экспедиции были направлены в 1910–1912 гг. в Южную Европу, где он исколесил Истрию, Далмацию и некоторые области Италии. В последующие годы (1913–1914 гг.) он совершил научные поездки в Африку, где проводил исследования среди масаев и племён банту и койсанских племен⁴. В двадцатых годах (1926–1927 гг.) последовали экспедиции в Канаду, где он пребывал среди эскимосского и индейского населения на Ньюфаундленде и Лабрадоре. К его значимому исследовательскому полю в межвоенный период относилась и область Подкарпатской Руси.

Изыскания Сука на Подкарпатской Руси

К изучению населения Подкарпатской Руси Сука привел один из его научных руководителей, профессор Любор Нидерле, который указал ему на изолированность и относительную периферийность

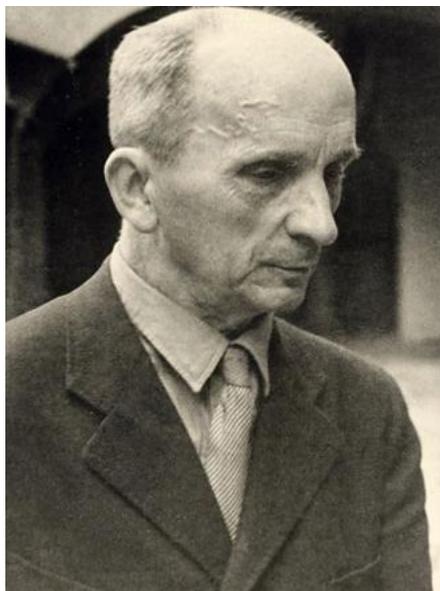
тамошних популяций. Русинское население представляло для Сука интересный и до тех пор неизученный пример «смешения европейских 'племен'» [22: 4]. Несмотря на то что Подкарпатская Русь, по его мнению, относилась с географической точки зрения к Центральной Европе, ее население выявляло с культурной точки зрения выраженные «восточные» признаки [22: 6]. Русины (которых он, однако, последовательно обозначал этнонимом «русские») «в своих обычаях и всей своей жизни проявляют с точки зрения фольклора множество признаков древности, они достаточно своеобразны во всем своем душевном складе, но своеобразны только относительно остального средневропейского уровня, поскольку в ином случае очевидно, что духовная жизнь человеческих групп в любых частях света не демонстрирует принципиальных различий, что является этнологическим доказательством единства человечества» [22: 7].

На Подкарпатскую Русь Сук предпринял в общей сложности пять учебных поездок в 1920, 1930, 1933, 1935–1936 гг. (ср. например: [12: 67; 14: 28]), в ходе которых реализовал актуальный для того времени формат антропометрических измерений этнографических групп русинов и других местных этнических групп. В течение зимы 1935–1936 гг. он даже исполнял обязанности окружного врача в селе Люта [29: 65]. Чаще всего Сук проводил классические антропометрические измерения и обширные медицинские и социальные обследования. Речь шла, например, об измерении роста, длины и ширины головы, высоты и ширины лица, длины и ширины носа, регистрации пигментации (кожи, волос, глаз) и состояния зубного ряда, изготовлении гипсовых слепков лиц с учетом их типа, проведении врачебных и социальных экспертиз, изучении состояния щитовидной железы (распространенности зоба) и создании богатой фотодокументации. Как врач он стремился завоевать доверие местных жителей путем предоставления медицинских услуг, чем хотел обеспечить их готовность к сотрудничеству в ходе антропологических и этнологических наблюдений⁵.

Результаты своей обширной полевой работы Сук публиковал в отечественной и зарубежной специализированной печати. Междисциплинарный охват текстов Сука очевиден из того факта, что некоторые из его публикаций имели скорее этнографический, демографический⁶ либо явно медицинский характер. К примеру, отношению между рационом питания и болезнями у населения Подкарпатской Руси была посвящена опубликованная на английском языке статья «Капуста и зоб на Подкарпатской Руси» [20], в которой Сук сосредоточился на эндемическом распространении зоба. Сук отметил, что в некоторых отдаленных селах на подкарпатской Верховине множество бедных

семей в зимние месяцы потребляют большое количество капусты. Ежедневное количество составляло около полукилограмма на человека, причем капуста во многих случаях являлась основным элементом рациона на протяжении нескольких месяцев (ср.: [20]). Хотя этиология зоба, по мнению Сука, не является унифицированной, он был убежден, что нельзя игнорировать значительное совпадение между его собственными находками на подкарпатской Верховине и заключениями, к которым в Индии пришел врач ирландского происхождения Роберт Маккарисон. В обоих случаях выяснилась очевидная связь между употреблением большого количества вареной квашеной капусты и возникновением зоба. В связи с этим Сук пришел к заключению, что данное заболевание у карпаторусских горцев вызвано, помимо прочего, также чрезмерной «капустной» диетой в зимние месяцы.

В другом исследовании 1923 г. Сук высказался относительно демографии подкарпатских гуцулов, при этом он особо интересовался популяционными последствиями Первой мировой войны для местного населения. Сук детально проанализировал статистические

Войтех Сук (1879–1967)

Источник: prof.MUDr. et PhDr. Vojtěch Suk, DrSc (<https://encyklopedie.brna.cz/home-mmb/?acc=profil-osobnosti&load=4121> (дата обращения: 14.10.2025).

данные греко-католического прихода в Ясине, констатировав крайне высокую неграмотность (78,8 %), которую он приписывал прежней венгерской политике, подавлявшей школы на славянском языке. Ключевые выводы исследования касались резкого падения рождаемости и вступления в брак в военные годы (до 50 %), что Сук объяснял длительным отсутствием мужчин и присутствием иностранных армий. Исследование также акцентировало тревожно высокий уровень смертности младенцев и детей в возрасте до пяти лет, что, по мнению Сука, наряду с низким культурным уровнем и недостаточным медицинским обслуживанием, «изобличало» предыдущую венгерскую администрацию в тотальном пренебрежении регионом (ср. [19]).

Общественное влияние имели научно-популярные статьи Сука, которые выходили в чешской и карпаторусской прессе (ср. [21, 23, 24]). Однако фундаментальное значение имели его исследования в области физической антропологии. В качестве примера будет взята более обширная работа 1932 г., в которой Сук обобщал свои изыскания по результатам поездки на Подкарпатскую Русь, предпринятой им двумя годами ранее. Данное исследование было финансово поддержано чехословацким Министерством просвещения и национального образования, далее – пражским Славянским институтом, а именно Советом по исследованию Словакии и Подкарпатской Руси, Кураторием фондов Грдлички и Академией труда Масарика. Средства, предоставленные этими учреждениями, как отметил Сук, тем не менее, не были достаточными для покрытия «исследования, охватывающего столь обширную область, и поэтому немалую часть я оплатил из собственных средств» [22: 20].

Вторая научная экспедиция на Подкарпатскую Русь, на выводах которой основывался упомянутый «предварительный» научный отчёт, продолжалась, по собственным словам Сука, четыре месяца. Антропологическому, серологическому и врачебному обследованию в ходе неё было подвергнуто около 1 800 человек из различных частей Подкарпатья [22: 3]. На протяжении всего периода проведения изысканий Сук со своими сотрудниками был «вынужден довольствоваться полевым лагерем» и подвергался воздействию целого ряда практических трудностей. «Мы намеренно избегали всех крупных центров, принципиально посещая только малые деревни и разбросанные хижины, чтобы войти в контакт по возможности с тем населением, о котором мы могли предполагать, что оно антропологически свободно от многочисленных чужеродных элементов» [22: 4].

Исследователи целенаправленно сосредоточили свое внимание на жителях гор, поскольку предполагали, что у них «проявится больше исконных компонентов, нежели на юге, в низменных областях, где возможность смешения гораздо больше и где вмешательство чужеродных этнографических элементов привносит, в свою очередь, новые соматические элементы, что ведет к неразличимой путанице признаков и полностью исключает какую-либо разумную антропологическую диагностику... При наблюдении, – продолжал далее Сук, – я был, прежде всего, руководим идеей искать по возможности чистые типы, которые несли бы все главные признаки определенных 'племен'⁷, предполагая, что такие, по возможности, чистые типы всегда указывают нам на некий изначальный очаг, откуда они потом распространялись, постепенно смешиваясь» [22: 4].

С позиции физической антропологии Сук пришел к заключению, что в русинской популяции можно идентифицировать две основные группы: восточную группу, «так называемых гуцулов»⁸, и живущих западнее гуцульской области «остальных русских», антропологический тип которых был представлен в оставшейся части страны [22: 9]. Эти территории географически отделены друг от друга, различаются этнографически и лингвистически, а их население отличается друг от друга и соматически. Представители первой группы, которую Сук обозначил буквой «D» (см. рис. 1), по его заключениям, «во многом сильно отличаются от оставшейся части подкарпатского (славянского) населения, их диалект иной, костюм гораздо богаче и более проработан, а также телесно они демонстрируют значительные различия» [22: 12]. По мнению Сука, речь идет об интересном «неустановившемся племенном типе», среди признаков которого числятся темные глаза, волосы и более темная кожа, «достаточно высокий рост», брахицефальная голова, продолговатое лицо, выразительный нос, «обыкновенно прямой либо даже выпуклый». На основании этих антропометрических характеристик Сук пришел к убеждению, что данная популяция в тенденции представляет «динарский» тип. В адрес гуцулов он еще добавил примечание, что речь идет о населении, «в целом очень здоровом» [22: 13].

Вторую зону, занимающую остаток территории Подкарпатской Руси, он обозначил буквой L. «Когда мы после длительного перехода через дебри попали в эту область, мы с первого взгляда увидели, что население этих краев имеет несколько иной характер, не только своим диалектом, своим костюмом, уровнем культуры, но также, и это, разумеется, было для нас самым важным, соматически. В целом эти русские <...> в отличие от гуцулов, намного беднее, их рабочая и праздничная одежда проще, рацион питания скуднее, а общий культурный уровень ниже» [22: 14]. Также с соматической точки зрения он идентифицировал несколько различий, особенно в области лица, пигментации, относительно роста и комплекса. Он также охарактеризовал их состояние здоровья как худшее, что проиллюстрировал повышенным распространением туберкулеза, зоба или «эндемического кретинизма» [22: 14–15]. В случае русинских групп, обозначенных Суком буквой L, с антропологической точки зрения речь идет об «общем, недостаточно выраженном типе, который ближе всего можно было бы, пожалуй, обозначить как 'альпийский' тип», в рамках которого можно также идентифицировать наличие «особых типов, так называемых лапоноидных» [22: 18]. На основании приведенных заключений Сук высказал тезис, что славянское население Подкарпатской Руси, говорящее, по существу, на одном и том же родном языке, с соматической точки зрения состоит из «двух

важных типологических компонентов, которые явно указывают на различное происхождение» [22: 16].

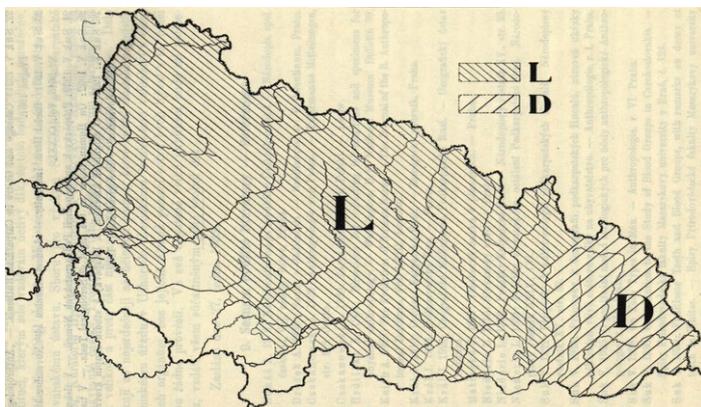

Рис. 1. Карта Подкарпатской Руси Войтеха Сука с обозначением зон согласно соматическим характеристикам русинского населения.

Источник: [22: 22].

Современная (дез)интерпретация научного наследия Сука

Вклад Войтеха Сука в развитие физической антропологии до недавнего времени оценивался исключительно положительно. Научным наследием профессора Сука, помимо прочих, занимался и один из его брненских учеников, анатом и антрополог Милан Докладал, который многие идеи Сука охарактеризовал буквально как новаторские. Некоторые из них, по его мнению, даже опередили свое время на несколько десятков лет [14: 32]. К ним относилась новая концепция антропологии, которую Сук воспринимал как целостную и междисциплинарную отрасль, далее – новаторство в области школьной гигиены, но прежде всего Сук был охарактеризован как «бесстрашный борец за равноправие человеческих племен». Эти оценки подчеркнули тот факт, что его труд и общее наследие были «оценены исключительно позитивно» (ср. например: [10]). Аналогичных положительных оценок вклада Сука в антропологию можно было бы привести множество (ср. [16]). Их авторы подчеркивали не только научный и педагогический вклад Сука, но и общегуманистическую направленность всей его деятельности, которая, среди прочего, заключалась в его отрицании ценностного деления человечества на расы и в убеждении, что ни одна группа людей не превосходит другую.

Сук категорически отрицал мнение, что определенные телесные признаки, которые являлись предметом изучения биологической ан-

тропологии, свидетельствуют о меньшей или большей «ценности» их носителей. Поэтому он решительно критиковал современные взгляды национал-социалистической Rassenkunde (расологии), которую он называл «туманной верой», поскольку «никто в мире не доказал, что определенные телесные признаки наследуются таким образом, чтобы от них зависели и определенные душевные свойства, и что, напротив, слишком много сомнений в том, имеют ли вообще все эти учения какую-либо научную ценность» [25: 18]. Продвижение равноправия человеческих популяций (хотя в современной ему терминологии он порой употреблял термин «раса»⁹) и строгое отрицание расистских теорий было ключевой чертой его работы. По этой причине он в своих исследованиях занимался, прежде всего, серологическими и гематологическими изысканиями человеческих популяций с целью научно опровергнуть теории о высших и низших расах. На основании чтения текстов Сука межвоенного периода можно однозначно утверждать, что он был бесстрашным борцом против расовой дискриминации, что, к примеру, подтверждает его труд «Равноценность европейских племён» 1934 г. [24]. Аналогично в опубликованной четыре года спустя на чешском и параллельно на немецком языках публикации с провокационным названием «Дикари в Центральной Европе: Миф расистов о нас...» он очень резко критиковал идеологию нацистской Германии, построенную на расистских аксиомах (ср. например: [25]). Эта убежденность накануне Второй мировой войны была не только актуальной, но и свидетельствовала о немалой личной смелости. В конце концов, из-за своих взглядов на равенство человеческих рас он во время оккупации находился под следствием Гестапо [29: 19].

Тем более удивительным представляется тот факт, что в последние несколько лет начинают появляться тексты преимущественно молодых студентов-гуманитариев и учёных, которые радикально иным образом интерпретируют труды Сука и его научное наследие. Характерно, что эти оценки появляются параллельно с проникновением так называемой постколониальной теории в чешскую среду и что это происходит исключительно с позиций социальных наук, т. е. не с точки зрения его основной специализации, которой являлась биологическая антропология. Контекстуализация Центрально-Восточной Европы, т. е. области, исторически находящейся вне традиционных колониальных рамок, осуществляется в основном посредством двух аргументов. Первый состоит в отсылке к её предполагаемому прежнему участию в так называемой треугольной торговле (triangular trade). Последняя происходила между европейскими колониальными державами и их заморскими доминионами, однако определённая доля участия в ней приписывается и всем остальным «цивилизованным» народам. По

этой причине утверждается, что «даже чешские земли <...> не были исключены из глобальной культуры колониализма» [11: 595].

Второй аргумент в вопросе чешских земель касается ссылки на так называемую внутреннюю колонизацию этнически разнородных территорий межвоенной Чехословакии, когда чехи выступали в качестве активных участников «имперской гегемонии», которой было обозначено чехословацкое государство. Эта интерпретация внутригосударственных отношений в Чехословакии в определенном смысле могла бы быть признана обоснованной ввиду подхода к немецкому и венгерскому населению¹⁰. Однако она представляется совершенно неадекватной в связи с фигурой Войтеха Сука. Относительно способа обращения с наследием Сука в постколониальной теории очевидно стремление интерпретировать В. Сука как представителя западной гегемонии, как репрезентанта империи, подавляющего колониальный субъект. Имманентной частью этого интеллектуального дискурса является акцент на угнетении, имеющем расистский характер. Вероятно, по этой причине в данных текстах можно обнаружить повторяющееся обвинение Сука в том, что его работы были тесно связаны с современными евгеническими и расовыми теориями (ср. например: [6]).

В данном контексте невозможно уделить особое внимание всем возражениям, которые были высказаны в адрес Войтеха Сука в последние несколько лет в ряде отечественных и зарубежных исследований (ср. например: [2; 5–8; 17]). Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми аспектами, которые здесь прозвучали в связи с «антропологическими проектами» Сука в Подкарпатской Руси. Они, по мнению одного из критиков, выявляют «явные колониальные связи», поскольку Сук занимался там снятием лицевых масок и «экспериментировал также с новейшими исследовательскими трендами, такими как забор и анализ образцов крови местного населения. В обоих случаях речь шла о процедурах, которые были затратными как по времени, так и в других отношениях, и в исторических землях их было бы заметно труднее проводить¹¹. Важную роль здесь, следовательно, сыграло применение авторитета и определенный властно несбалансированный обмен. Сук в качестве ответной услуги за участие в исследованиях предоставлял медицинскую помощь, которая в ином случае была недоступна для региона» [6: 172].

Другая претензия направлена на предполагаемое «рассуждение Сука о неравенстве» изучаемых групп населения Подкарпатской Руси и их иерархизацию, которая «была связана <...> с различием их соматических типов» и «очевидно основывалась на представлении о цивилизационных ступенях, связанных прежде всего с нормативными концептами здоровья и физической подготовки» [6: 174–175].

К примеру, Филип Герза выводил из гипотетического тезиса Сука о существовании связи между чрезмерным потреблением квашеной капусты и распространением проблем с щитовидной железой среди русинского населения, заключение, что Сук ассоциировал с «русинской этничностью» отсталость, болезни или даже, что «возможно, она сама (“русинская этничность”) могла быть им прямо обозначена как патологическая». Суку также вменяется в вину, что его знания о подкарпатурском населении предположительно находили «восприимчивых читателей» в «канцеляриях министерств и местной администрации», т. е. там, где «впоследствии принимались решения о цивилизационных и модернизационных интервенциях в жизнь местного населения» [6: 174–175]. Вся его межвоенная деятельность, таким образом, предположительно способствовала национальному и расовому национализму и тем самым предвосхитила «наступление различных авторитарных форм правления при Протекторате и впоследствии, во время Третьей (Чехословацкой) Республики, плавно переходящее и в государственный социализм» [6: 162, 170].

Решительным критиком Сука является австрийская исследовательница Виктория Шмидт, которая недавно посвятила личности и труду Сука обширное исследование, в котором продвинулась в целом ряде аспектов еще дальше, чем ее коллеги. Она стремится представить Сука как однозначно «расово мыслящего ученого», чьи «взгляды на взаимосвязь между примитивизмом, небелой расой и патологией нашли отклик в формировании нескольких поколений антропологов». Своей концепцией антропологии и изысканиями он предположительно «пропагандировал и фактически закрепил расовую иерархию среди населения на европейском континенте и за его пределами» [28: 108]. В период государственного социализма этот подход, по ее словам, помимо прочего привел к «расовой» дискриминации чехословацких цыган и других маргинализированных групп. Этой проблематике Шмидт посвятила объемную диссертационную работу [28], которую намеревалась защитить на Факультете социальных исследований Университета Масарика (Брно, ЧР) по специальности «социология». Характерно, что по причине общей недостаточности и идеологической предвзятости эта работа была отклонена и вся процедура получения хабилитации была остановлена летом 2021 г.

Материалы к процедуре хабилитации доступны для ознакомления на интернет-страницах упомянутого факультета¹². С точки зрения способа «научной» работы этого автора и, как можно предполагать, других сторонников постмодернистских парадигм в социальных науках очень интересно ознакомиться с тремя экспертными отзывами, которые были составлены на ее труд. Все они однозначно отрицатель-

ные, причем критика их авторов направлена как на содержательные неточности, так и на ляпы в области теории и методологии. В одном из них, например, можно прочесть, что «автор часто неконкретна и излишне метафорична, а иногда, наоборот, слишком однозначна в суждениях <...> Необходимо отметить, что во многих местах <...> она допускает фактические ошибки <...> пишет хаотично, порой слишком неконкретно, в другое время же использует слишком однозначные и ценностно окрашенные понятия и высказывает однозначные и недостаточно обоснованные суждения»¹³. В другом отзыве утверждается, что Шмидт «допустила ряд ложных или сокращенных обобщений, вытекающих из незнания более широкого контекста». И здесь констатируется «теоретическая неукорененность и концептуальная неоднозначность» представленного текста, которая «не позволяет оценить адекватность ряда более общих утверждений»¹⁴.

Заключение

Свидетельствует ли представленное выше стремление к переоценке значения личности и труда Войтеха Сука и, возможно, других чешских антропологов того времени, о чем-то интерсубъективно значимом? Является ли это академической формой общей «текучести» и безбрежной неоднозначности современного западного мышления? Изыскания Сука межвоенного периода, разумеется, не могли проходить иначе, чем в духе общепринятых в то время научных параметров, другими словами, в рамках доминирующей тогда парадигмы (ср. например.: [26]). В качестве цели и смысла антропологического исследования Сук обозначил «установление того, каким особым типом характеризуется изучаемая область» [22: 19]. Однако В. Сук посредством своих исследований в Подкарпатской Руси преследовал существенно более широкий исследовательский контекст. Зарегистрированные данные из русинской среды он воспринимал как один из источников для более широкого анализа изучения «племен человеческих в Европе и всех человеческих (племен) вообще» [22: 18]. То есть его целью было общее постижение «биологии человеческих племен», которая должна была преодолеть морфологию, т. е. данные, установленные «простым измерением» [22: 13].

Как уже было сказано, Войтех Сук в ходе своей педагогической и научной деятельности относился однозначно критически к расистским теориям и выступал за равенство всех людей. Для его публичных и научных выступлений была характерна приверженность идеалам гуманизма, что в 30-х гг. выражалось в его предостережении от последствий нацизма в Европе, которое встречается в его текстах.

В Подкарпатской Руси Сука изучал местное население комплексным, междисциплинарным способом, соединяющим физическую антропологию, медицину, демографию и этнографию. Его замыслом было сосредоточиться на изучении по возможности относительно изолированной популяции, так называемых чистых типов, у которых он предполагал сохранение главных физических признаков и черт¹⁵.

От этого подхода он ожидал нахождения «очага», откуда эти соматические типы распространялись. Межвоенные изыскания Сука в Подкарпатской Руси проводились в контексте его других научных экспедиций, которые завели его, например, на Лабрадор, благодаря чему он мог сравнивать результаты своих исследований, например, у эскимосов с популяциями Центральной Европы. Эти компарации являлись частью более широкого сравнительного изучения человеческих популяций.

Исследовательская деятельность Войтеха Сука, таким образом, фокусировалась на общем описании и компаративном анализе физических характеристик и социокультурных черт дивергентных этнических групп в разных частях света. Антропологическое исследование в то время ставило целью способствовать познанию и классификации человеческого физического разнообразия. До сих пор не было представлено прямого доказательства, что изыскания Сука в Подкарпатской Руси использовались для целей государственного управления с умыслом их последующего политического злоупотребления. При этом научный замысел В. Сука был совершенно противоположным – он стремился к улучшению условий жизни жителей этой самой восточной части ЧСР и желал увеличить информированность о данном регионе среди чешской профессиональной и широкой общественности. Первостепенной целью Сука являлось само по себе научное познание. Недавние попытки переоценки научного наследия Войтеха Сука, осуществляемые в парадигмальных рамках так называемых постколониальных исследований, таким образом, представляются идеологически мотивированным примером неадекватной интерпретации.

Примечания

1. Этнографический материал по Подкарпатской Руси был также включен в обобщающие труды, репрезентирующие науку нового государства, как, например, «Чехословацкое краеведение» («Československá vlastivěda»), выходявшее в 1929–1937 гг.

2. Нидерле получил международную известность прежде всего как автор монументального труда под названием «Славянские древности».

3. Журнал выходил в свет в 1923–1941 гг.; в послевоенный период был возобновлен в 1962 г.

4. Эти исследовательские поездки были предприняты по инициативе чехоамериканца профессора Алеша Грдлички из Национального музея в Вашингтоне с целью исследования коренных народов в их естественных условиях и сравнения их с состоянием афроамериканцев в США.

5. Эту медицинскую помощь во время поездок Сук, по его собственным словам, оказывал «охотно и бесплатно».

6. Демографию и этнографию Сук рассматривал как важные составляющие антропологического исследования.

7. Под такими «племенами» на Подкарпатской Руси Сук подразумевал отдельные этнографические группы русинов, каковыми являлись прежде всего гуцулы, бойки, лемки и верховинцы.

8. Сук, однако, отмечает, что сами люди это обозначение используют крайне редко [22: 12].

9. Однако он последовательно помещал этот термин в кавычки, чем одновременно сигнализировал о своем отчуждении от его использования в научном дискурсе.

10. К примеру, в связи с реализацией земельной реформы в начале 20-х гг. XX в.

11. Это утверждение, однако, не соответствует действительности: аналогично антропологическому исследованию подверглись все национальные и этнические группы, проживавшие тогда на территории ЧСР. Результаты этих исследований были опубликованы в «Чехословацком краеведении» (ср. например: [9]) и в ряде других изданий (ср. например: [14: 156–157]).

12. Информация о ходе всего производства доступна для ознакомления по адресу: <https://www.muni.cz/lide/320753-victoria-shmidt/kvalifikace> (дата обращения: 12.10.2025).

13. Источник: <https://www.muni.cz/inet-doc/1418119> (дата обращения: 12.10.2025).

14. Источник: <https://www.muni.cz/inet-doc/1418119> (дата обращения: 12.10.2025).

15. С формальной точки зрения речь шла об аналогичном теоретическом предположении, как и в случае современной формы этнографии, фокусирующейся на изучении этнических анклавов (Sprachinselvolkskunde). Эти исследователи также были убеждены, что в среде относительно изолированных «языковых островов» можно обнаружить уникальные эмпирические данные, а именно – архаические культурные формы (см.: [1]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лозовюк П. Между наукой и идеологией. История немецкоязычной этнографии чешских земель // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2020. История. Т. 65, вып. 4. С. 1162–1185.

2. Balogun B., Křížová M. The varieties of European colonialism in Central and Eastern Europe: The Polish and the Czech cases // Interventions. International Journal of Postcolonial Studies. 2025. № 27:2. S. 185–203.

3. Brouček S., Jeřábek R. (eds.) Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska, 1. svazek. 2007. S. 211–212.

4. Havránek J. (ed.) Dějiny Univerzity Karlovy 1802–1918. Sv. 1. III. Praha, 1997.

5. Herza F. Colonial Exceptionalism: Post-colonial Scholarship and Race in Czech and Slovak Historiography // Slovenský národopis. 2020. № 68 (2). S. 175–187.

6. Herza F. Ne/rovnocennost evropských plemen a cesty k autoritativním formám vládnutí: Jindřich Matiega, Jiří Malý a Vojtěch Suk v meziválečných diskuzích o rasách, národech a eugenice // Ducháček, M. et al. Za rovnocennost evropských plemen: československá antropologie tváří v tvář rasismu a nacismu. Praha, 2023. S. 159–185.

7. Herza F. Colonial Czechoslovakia? Overseas and Internal Colonization in the Interwar Czechoslovak Republic // Interventions. International Journal of Postcolonial Studies. 2024. № 26:2. S. 338–361.

8. Holubec S. Mezi slovanskou vzájemností a orientalismem. České zobrazování Podkarpatské Rusi a jejích obyvatel v publicistice dvacátých let minulého století // Soudobé dějiny. 2016. XXIII/4. S. 529–562.

9. Horák J., Matiegka J., Weigner K. (eds.). Československá vlastivěda. Praha, 1933. Díl 2. Člověk.

10. Hrubá R., Kopecký M. Stručný přehled antropologie v českých zemích od 16. století do roku 1935 // Florence. Odborný časopis pro nelékařské zdravotnické pracovníky. 2016. 6. S. 44–45.

11. Křížová M. Koloniální sny českých vlastenců // Vesmír. 2020. 99. Č. 10. S. 592–595.

12. Lorencová A. Prof. MUDr. et PhDr. V. Suk // Antropologie. 1967. R. 5. Č. 3. S. 66–69.

13. Malina J., Suk V. Encyklopedie antropologie [online]. Brno: Masarykova univerzita. URL: <https://is.muni.cz/do/rect/el/estud/prif/ps11/antropol/web/encyklopedie.html> (дата обращения: 3.04.2019).

14. Malina J. et al. Antropologie. Brněnská antropologie v českém a mezinárodním kontextu (se zaměřením na Katedru antropologie Přírodovědecké fakulty Masarykovy univerzity v Brně). Brno: Masarykova univerzita v Brně. Přírodovědecká fakulta. 2004. Folia historica 73.

15. Malý J. Vzdělání dětí na Podkarpatské Rusi // Anthropologie. 1930. № 8/2-3. S. 149–173.
16. Proměny brněnské antropologie. URL: https://is.muni.cz/el/sci/jaro2023/Bi1221/137100073/Brnenska_antropologie_pdf.pdf (дата обращения: 12.09.2025).
17. Shmidt V. Racial thinking among Czech anthropologists: The case of Vojtěch Suk // Central and Eastern Europe and the global history of race. Manchester University Press, 2024. S. 91–112.
18. Suk V. Příspěvky k antropologii podkarpatských Huculů // Národopisný věstník Československý. Ročník 15. Praha: Společnost Národopisného musea Československého, 1922. S. 32–43.
19. Suk V. Příspěvky ku demografii podkarpatských Huculů (Zároveň ukázky některých vlivů světové války na obyvatelstvo) // Anthropologie. Praha, 1923. 1: 58-68. S. 1–6.
20. Suk V. Cabbage and Goitre in Carpathian flullienia // Anthropologie 9 (1). Praha, 1931. S. 1–6.
21. Suk V. Podkarpatsko a náš stát // Lidové noviny. 1932. 30. března. S. 1.
22. Suk V. Anthropologie Podkarpatské Rusi s některými poznámkami o lidských plemelech vůbec a metodách antropologických: Předběžná zpráva, Brno: Spisy přírodovědecké fakulty MU v Brně, 1932. Č. 150.
23. Suk V. Na Podkarpatsku před čtyřiceti lety // Styk. Praha, 1935. № 1–2. S. 22–26.
24. Suk V. Podkarpatsští Rusíni před sto dvaceti lety // Podkarpatská revue. 1936. № 1/6. S. 1–4.
25. Suk V. Divoši ve střední Evropě, mythus rasistů o nás, napsal Homo ferus, příslušník středoevropských divochů. Praha: Melantrich, 1938.
26. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1996.
27. Válka M. Výzkum Podkarpatské Rusi ze strany československých etnografů (1918–1938) // Folia ethnographica. 2019. № 53/1. S. 27–37.
28. Shmidt V. The Politics of disability in interwar and socialist Czechoslovakia: Segregating in the name of the nation, habilitační spis. MU Brno, 2021.
29. Voláková P. Výzkumné expedice Vojtěcha Suka: digitalizace, katalogizace a vizuálně antropologické hodnocení obrazového materiálu, nepublikovaná diplomová práce. Brno: Ústav antropologie, 2023.

REFERENCES

1. Lozoviuk, P. (2020) Mezhdú naukoj i ideologiej. Istoriya nemetskoyazychnoy etnografii cheshskikh zemel' [Between Science and Ideology: The History of German-Language Ethnography of the Czech Lands]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 65(4). pp. 1162–1185.

2. Balogun, B. & Křížová, M. (2025) The varieties of European colonialism in Central and Eastern Europe: The Polish and the Czech cases. *Interventions. International Journal of Postcolonial Studies*. 27(2). pp. 185–203.

3. Brouček, S. & Jeřábek, R. (eds) (2007) *Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska. 1. Svazek. Vol. 1.* [s.l.: s.n.]. pp. 211–212.

4. Havránek, J. (ed.) (1997) *Dějiny Univerzity Karlovy 1802–1918. Sv. 1. III* [History of Charles University 1802–1918]. Vol. III. Praha: [s.n.].

5. Herza, F. (2020) Colonial Exceptionalism: Post-colonial Scholarship and Race in Czech and Slovak Historiography. *Slovenský národopis*. 68(2). pp. 175–187.

6. Herza, F. (2023) Ne/rovnocennost evropských plemen a cesty k autoritativním formám vládnutí: Jindřich Matiega, Jiří Malý a Vojtěch Suk v meziválečných diskuzích o rasách, národech a eugenice. In: Ducháček, M. et al. *Za rovnocennost evropských plemen: československá antropologie tváří v tvář rasismu a nacismu*. Praha: [s.n.]. pp. 159–185.

7. Herza, F. (2024) Colonial Czechoslovakia? Overseas and Internal Colonization in the Interwar Czechoslovak Republic. *Interventions. International Journal of Postcolonial Studies*. 26(2). pp. 338–361.

8. Holubec, S. (2016) Mezi slovanskou vzájemností a orientalismem. České zobrazování Podkarpatské Rusi a jejích obyvatel v publicistice dvacátých let minulého. *Soudobé dějiny*. 23(4). pp. 529–562.

9. Horák, J., Matieška, J. & Weigner, K. (eds) (1933) *Československá vlastivěda. Díl 2. Člověk*. Prague: [s.n.].

10. Hrubá, R. & Kopecký, M. (2016) Stručný přehled antropologie v českých zemích od 16. století do roku 1935. *Florence. Odborný časopis pro nelékařské zdravotnické pracovníky*. 6. pp. 44–45.

11. Křížová, M. (2020) Koloniální sny českých vlastenců. *Vesmír*. 99(10). pp. 592–595.

12. Lorencová, A. (1967) Prof. MUDr. et PhDr. V. Suk. *Antropologie*. 5(3). pp. 66–69.

13. Malina, J. & Suk, V. (n.d.) *Encyklopedie antropologie*. Brno: Masarykova univerzita. [Online] Available from: <https://is.muni.cz/do/rect/el/estud/prif/ps11/antropol/web/encyklopedie.html> (Accessed: 3rd April 2019).

14. Malina, J. et al. (2004) *Antropologie. Brněnská antropologie v českém a mezinárodním kontextu (se zaměřením na Katedru antropologie Přírodovědecké fakulty Masarykovy univerzity v Brně)* Brno: Masarykova univerzita v Brně.

15. Malý, J. (1930) Vzrůst dětí na Podkarpatské Rusi. *Anthropologie*. 8(2–3). pp. 149–173.

16. *Czechia. (n.d.) Proměny brněnské antropologie*. [Online] Available from: https://is.muni.cz/el/sci/jaro2023/Bi1221/137100073/Brnenska_antropologie_pdf.pdf (Accessed: 12th September 2025).

17. Shmidt, V. (2024) Racial Thinking among Czech Anthropologists: The

Case of Vojtěch Suk. In: *Central and Eastern Europe and the Global History of Race*. Manchester: Manchester University Press. pp. 91–112.

18. Suk, V. (1922) Příspěvky k antropologii podkarpatských Huculů [Contributions to the Anthropology of the Subcarpathian Hutsuls]. *Národopisný věstník Československý*. 15. pp. 32–43.

19. Suk, V. (1923) Příspěvky ku demografii podkarpatských Huculů (Zároveň ukázky některých vlivů světové války na obyvatelstvo). *Anthropologie*. 1. pp. 1–6.

20. Suk, V. (1931) Cabbage and Goitre in Carpathian Hutsul Lands. *Anthropologie*. 9(1). pp. 1–6.

21. Suk, V. (1932) Podkarpatsko a náš stát [Subcarpathia and Our State]. *Lidové noviny*. 30th March. p. 1.

22. Suk, V. (1932) *Anthropologie Podkarpatské Rusi s některými poznámkami o lidských plemenech vůbec a metodách antropologických: Předběžná zpráva*. Brno: Spisy přírodovědecké fakulty MU v Brně. No. 150.

23. Suk, V. (1935) Na Podkarpatsku před čtyřiceti lety. *Styk*. 1–2. pp. 22–26.

24. Suk, V. (1936) Podkarpatsští Rusíni před sto dvaceti lety. *Podkarpatská revue*. 1(6). pp. 1–4.

25. Suk, V. [as Homo ferus] (1938) *Divoši ve střední Evropě, mythus rasistů o nás* Prague: Melantrich.

26. Kuhn, T.S. (1996) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

27. Válka, M. (2019) Výzkum Podkarpatské Rusi ze strany československých etnografů (1918–1938). *Folia ethnographica*. 53(1). pp. 27–37.

28. Shmidt, V. (2021) *The Politics of Disability in Interwar and Socialist Czechoslovakia: Segregating in the Name of the Nation*. Habilitation thesis. Brno: Masaryk University.

29. Voláková, P. (2023) *Výzkumné expedice Vojtěcha Suka: digitalizace, katalogizace a vizuálně antropologické hodnocení obrazového materiálu*. Unpublished master's thesis. Brno: Ústav antropologie.

Лозовиук Петр – доктор философии, доцент кафедры антропологии Западночешского университета в Пльзене (Чехия).

Petr Lozoviuk – West Bohemian University (Czech Republic).

E-mail: lozoviuk@ff.zcu.cz

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске (Республика Беларусь).

Kirill V. Shevchenko – Russian State Social University, Branch in Minsk (Republic of Belarus).

E-mail: shevchenkok@hotmail.com